

Научная статья
УДК 340.114:101.1

ЗАКОН И ВОЛЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ

Карлен Ашотович Даллакян

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, dak58@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь права, закона и воли в различных парадигмах правопонимания. Раскрывается сущность закона как эманации воли субъектов различных уровней: природы, государства, общества, личности. Анализируя особенности эпохи современного цифрового глобализма, автор наряду с существующими тремя типами правопонимания предлагает признать новую парадигму – гуманистическую, рассматривающую право как меру человечности. Гуманизация отношений между социальными субъектами включает в себя и оптимизацию их отношения к природной и социокультурной среде, поэтому в статье говорится о необходимости нового энвайроментально-гуманистического типа правопонимания. Право, в отличие от закона как воли тех или иных социальных субъектов, является отражением их потребности не столько в свободе и формальном равенстве, сколько в потребности человека быть человеком и жить в человеческом обществе. Поэтому право раскрывается в статье не просто как мера свободы и справедливости, а как мера человечности.

Ключевые слова: воля, закон, право, право genesis, правопонимание, гуманизм, человечность, государство, свобода, справедливость

Для цитирования: Даллакян К. А. Закон и воля: гуманистический тип правопонимания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 26–33.

Original article

LAW AND WILL: THE HUMANISTIC TYPE OF LEGAL UNDERSTANDING

Karlen A. Dallakian

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, dak58@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship of law, law and will in various paradigms of legal understanding. The essence of the law is revealed as an emanation of the will of various levels subjects: nature, state, society, personality. Analyzing the features of the era of modern digital globalism, the author, along with the existing three types of legal understanding, proposes to recognize a new paradigm – humanistic, considering law as a measure of humanity. The humanization of relations between social subjects also includes the optimization of their relationship to the natural and socio-cultural environment, therefore, the article talks about the need for a new environmental-humanistic type of legal understanding. Law, in contrast to the law, as the will of certain social subjects, is a reflection of their need not so much for freedom and formal equality as for the human need to be human and live in a human society. Therefore, the right is revealed in the article not just as a measure of freedom and justice, but as a measure of humanity.

Keywords: will, law, right, legal genesis, legal understanding, humanism, humanity, state, freedom, justice

For citation: Dallakian K. A. Law and will. The humanistic type of legal understanding // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 26–33.

Одним из основных предназначений философии права является «разотождествление» права как феномена и его субъективно-

го понимания. Суть философии собственно и состоит в преодолении «земной гравитации» мысли, подъеме ее во вселенские про-

© Даллакян К. А., 2022

сторы, освобождении не только от личностной, социокультурной, но порой и видовой субъективности. Это практически нереализуемая задача, поэтому и истинных философов за всю человеческую историю можно пересчитать по пальцам. Если в философии вообще подобная субъективация реальности обычно влияет в основном на жизнь личностей, то в случае с философией права трансформируется жизнь общества, государства, а иногда и человечества в целом.

Мы предлагаем рассмотреть социокультурное влияние не только когнитивных, но и поведенческо-волевых искажений правовой реальности, о которых специальная научная литература практически безмолвствует. Между тем, такие понятия, как «закон», «право», «государство», «справедливость», «свобода» непосредственно связаны с понятием «воля», то или иное понимание которого меняет тип правопонимания, да и всю правовую реальность. Неоднозначное толкование феномена воли в отечественной и мировой науке в целом превращает наше исследование в трудоемкую и не гарантированную успехом попытку разобраться в этой многосложной проблеме.

Начнем с общепринятого положения о существовании трех типов правопонимания: легистского, естественно-правового (юснатурализма) и либертарно-юридического. Общеизвестно, что легисты, то есть «законники», отождествляли право, закон и волю, считая право волей господствующего класса, возведенной в закон. Юснатуралисты рассматривали закон как проявление Божьей или Природной воли. Сторонники либертарно-юридического типа правопонимания практически сводят закон к воле граждан. Прежде всего, необходима дифференциация разноуровневых реалий, обозначаемых понятиями «закон» и «воля». Закон природы, в отличие от юридического закона как нормативно-правового акта, принятого государством, представляет собой сущностное отношение, то есть взаимосвязь и взаимозависимость явлений природы, которые всегда проявляются одинаково. Естественно, что такая взаимозависимость элементов

неслучайна и определяется системой, в то же время определяя ее. Создавая систему, элементы в дальнейшем зависят от нее, и частичные их изменения уже детерминируются необходимостью поддержания целостности системы. Можно ли в таком случае назвать закон волей системы? В определенной степени и с определенными оговорками, на наш взгляд, можно, конечно, заключая слово «воля» в кавычки. Подчеркнем, что речь идет о природном законе именно как «воле» системы, а не каких-либо ее элементов.

Воля, в нашем понимании, является не просто способностью к мобилизации человеком своих сил для реализации поставленной цели, как обычно рассматривается в специальной литературе [см. 1, с. 37]. Мобилизовать свои усилия может и человек, реализующий навязанные ему чужие цели, как это часто происходит. Это уже будет чужеволем, а не волей, так же, как и реализация человеком своих эгоистических желаний – своеволием. Истинная воля представляет собой самореализационную потенцию сущности человека, его духа, высшего «Я». Именно воля, как самореализационная способность духа, его «мускулы», как выразился Николай Рерих, делает человека человеком. Поведение социального субъекта может называться волевым лишь в случае адекватной самоидентификации, осознания им своей сущности и деятельности по ее реализации, способствующей в свою очередь реализации потребности более широкой системы, в которую входит субъект деятельности. По этой причине мы называем волю феноменом энвайронментального отношения [2, с. 94].

В таком случае становится понятным, почему при определении права общество как система подменяется легистами представителями господствующего класса. Остальная часть общества, лишенная истинной воли, ими людьми не считается. Такое понимание подтверждается известным аристотелевским определением раба лишь как «говорящего орудия», за что великий стагирит часто подвергался упрекам: «Как можно не считать человека человеком только лишь из-за

его социального положения?!» Дело в том, что Аристотель считал говорящим орудием не раба по положению, а раба по сущности, ведь и его учитель Платон, и один из свободнейших людей Диоген, и фракиец Спартак, да и многие другие достойные люди попадали в рабство на какое-то время. Однако они не превращались в рабов по сущности, так как были свободными личностями. Так в чем же сущность раба? Не в том ли, что он признает право хозяина на владение собой, сознательно лишая себя права, а значит и человеческого достоинства?

Никто не сможет лишить человека достоинства и права быть человеком, кроме его самого. Раб – это человек, лишенный человеческой воли в истинном ее понимании. Не поэтому ли и само понятие воли весьма слабо разработано в отечественной, да и в мировой научной литературе? Порой оно сознательно или несознательно заменяется его суррогатами. Человек, лишенный истинной человеческой воли, не представляет собой безвольного в общепринятом понимании человека, как человека, не способного на поступки, реализующие его цели. Ведь раб по сущности тоже совершает поступки, реализует поставленные цели. Однако характер, сущность и субъектность этих целей требуют особого анализа. Чьи цели реализует раб? Этот вопрос не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Попробуем разобратся.

Если мы говорим о рабе эпохи рабовладения, то по закону он является собственностью своего хозяина, он раб по положению, но мыслить самостоятельно, ставить цели и достигать их, иметь свое собственное достоинство ему никто запретить не может. Рабы по сущности существовали всегда, в любую эпоху. Самое парадоксальное, что чем больше человек стремился к свободе, тем ухищреннее становилось его порабощение: при феодализме – посредством земли, при капитализме – предприятия и денег, а в современном глобально-цифровом обществе – информации, программирующей сознание. Раньше у человека не было свободы перемещения, а сегодня – свободы мысли. Дело

относительно не в том, что современным людям запрещают мыслить, а в том, что в сознании большинства из них господствует информация, которая необходима хозяевам. Матрица программирует людей, производя «Смитов». В этих условиях актуализируется необходимость новой парадигмы, нового типа правопонимания – гуманистического. Право в таком типе правопонимания становится уже не мерой свободы, за которую могут выдать все, что угодно, а мерой человечности. Субъектом права в этом случае становится общество в целом, а право представляет собой волю гражданского общества.

Воле природы как предельно широкой системы, которая трактовалась различными культурами как Божья воля или воля Небес, был посвящен практически весь натурфилософский или досократический период Античной философии. Закон (Воля) и Логос (Мировой Разум) приносили порядок во Вселенную, превращая Хаос в Космос. Сократовский период античной философии поставил во главу угла Личность, ее волю и свободу. Философы Средневековья вновь вернулись к отождествлению закона с Божественной волей, трактуемой в Новое время как Воля природы. Именно в Новое время начинается развитие гражданского общества, зачатки которого были заложены в Античности. Закон теперь все больше начинал ассоциироваться с волей граждан.

Таким образом, все типы правопонимания дифференцируются в зависимости от субъекта воли. Причем, если закон непосредственно связан с волей социальных субъектов, то право скорее является отражением их потребности в свободе и формальном равенстве, а точнее в потребности человека быть человеком и жить в человеческом обществе. Поэтому мы считаем право мерой человечности, а не просто мерой свободы и справедливости, как утверждает либертарно-юридическая парадигма. Ни в коей мере не отрицая либертарно-юридический тип правопонимания, мы лишь подчеркиваем необходимость его дополнения на современном этапе развития глобально-цифрового общества. Подобно тому, как христианство

дополнило иудаизм, выдвинув в качестве своего основного принципа любовь. Справедливость как основной принцип иудаизма отнюдь не отрицался, но дополнялся любовью, которая порой выше справедливости, человечней. Часто бывает справедливым наказать, к примеру, несовершеннолетнего, но правильнее все же простить, указав на его ошибки. Не справедливость родителей делает из ребенка человека, а их любовь. То же самое происходит и на социальном уровне: все формы общественного сознания совместно «ваяют» человека. Следует подчеркнуть, что со стороны общества необходимо формировать потребность у людей не только в праве, но и во всех других формах общественного сознания. Иначе их место могут занять лишь «тени». Вместо права – закон, вместо морали – «моральный кодекс строителя коммунизма», вместо религии – идеология, вместо философии – демагогия и т. д.

При рассмотрении взаимодействия права, воли и закона нельзя не обратиться к такому феномену, как власть, который обычно понимают как способность влиять на чужую волю. Воздействие на чужую волю – это лишь одна сторона власти. Другая же сторона – трансформация под прессом власти собственной воли, а значит и сущности. Особенно ярко это выражается при обладании политической властью, которая трансформирует человека, превращая его в существо другого порядка. Во всяком случае в собственном представлении. «Государство – это Я» – слова короля Франции Людовика XIV председателю парламента, подтверждающие это. Человек, лишившись большой власти, практически уже не может адаптироваться к жизни обычного человека. Власть как проявление воли трансформирует уже и волю, и чувства, и разум в целом, поэтому власть представляет собой не столько возможность влиять на чужое поведение, сколько форму зависимости. Человек впадает в зависимость от влияния, которое работает в обе стороны – зависимость других от себя и своя зависимость от кого-либо или чего-либо.

Интересно, что в различных культурах разное понимание власти отражается в язы-

ке. Не вдаваясь в психолингвистический анализ, приведем лишь несколько примеров. В русском языке слово «власть» происходит от древнерусского «волость», «владеть», то есть подчеркивается право внешнего обладания, собственности, а в английском «power», «authority», «rule» («мощь», «энергия», «авторитет», «закон») больше подчеркивают обладание личностными качествами субъекта. Однако личностные качества тоже можно понимать по-разному: дарованы ли они человеку природой, обществом, либо присвоены. Например, с турецкого слово «власть» переводится на русский язык как «сила» («guch»), а с китайского – «quanli» – «полномочие», «могущество». Все-таки отождествление власти с внешним владением не так однозначно, как в русском языке.

Важную роль в реализации воли, закона и власти играет страх, причем так же в зависимости от культуры общества. Страх в отличие от боязни, которая всегда конкретна, абстрактен и иррационален. Человек в основном не понимает, почему именно он страшится чего-либо. Исследования показывают, что причиной страхов взрослого человека могут быть детские комплексы, эмоции и даже младенческая боль при рождении. Власть посредством страха трансформирует волю не только тех, кого пугают, заставляя их совершать порой несвойственные им поступки, но и волю пугающих, считающих себя вынужденными реализовать свою «святую» обязанность обеспечить закон и порядок. В этих случаях «чужеволлие» поглощает волю. «Страх – это желание того, чего страшатся», – пишет С. Кьеркегор. [3, с. 367]. Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой. Тотальное тиражирование страха посредством общественного сознания и средств массового информирования, порождающее несвободных, боящихся людей – свидетельство господства легистской парадигмы сегодня во многих странах.

Право и закон являются эманациями воли субъектов различных уровней: природы, общества, государства, личности. Противоречат ли эти формы существования

единого друг другу? Ответом на этот вопрос может послужить рассмотрение природных и социокультурных закономерностей. Гармонично развивающаяся личность, правовое государство, свободное демократическое экологически ориентированное общество, выражающее интересы не только всех слоев населения, но и биосферы в целом, способствуя ее самоорганизации, – все это является проявлением единой воли к жизни и развитию. Многообразие социокультурного развития объясняется различием культур, способствующим увеличению степени вероятности выживания человечества. В самом общем плане можно сравнить культуру Востока и культуру Запада, отличающихся вектором правогенеза. Восточная культура в своем развитии опиралась в большей степени на коллективную волю, а Западная – на индивидуальную.

Подойдя к стадии цифрового глобализма, мир стал тяготеть к необходимости единой гуманистической модели существования. Интегративные тенденции в развитии различных культур и стран стали преобладать. Понятно, что это с необходимостью вызывает сопротивление сторонников дифференциации и сепарации. Политика всегда опиралась на принцип «Разделяй и властвуй!». Однако единство и борьба противоположных тенденций ни в коей мере не противоречат направленности пространственно-временного развития. Сегодня в решении глобальных проблем человечеству для выживания необходима интеграция, и гуманистический тип правопонимания является важнейшим средством ее достижения.

Дальнейшее погружение в проблему гуманизации общечеловеческой культуры приводит нас к идее ее энвайронментализации, так как гуманизация культуры как способа отношения к окружающему миру предполагает учет его «интересов», закономерностей. Гуманизация отношений между социальными субъектами включает в себя и оптимизацию их отношения к природной и социокультурной среде, поэтому корректнее, на наш взгляд, было бы говорить о новом энвайронментально-гуманистическом типе правопонимания. Сегодня человек мо-

жет сохраниться как вид, относясь как к самому себе не только к другому человеку, но и ко всему окружающему миру. Эманация природно-космической воли заставляет человека и культуру в целом, включая право, становиться более человечными. Так воля творит закон.

Предвосхищая возможные возражения сторонников традиционного понимания воли как мобилизационной способности человека для реализации поставленной цели, представим детальнее наше понимание воли. Подчеркнем, что речь идет в данном случае о многоуровневом феномене в зависимости от субъекта активности. Как уже отмечалось, «вертикальная» восточная культура отождествляет личную волю с всеобщей, волей Небес, Абсолюта, считая ее эманацией последней. Человек в такой энвайронментально ориентированной парадигме подобно рамакришновской соленой кукле должен раствориться в бесконечном океане абсолютного Брахмана. «Кукла, сделанная из соли, – писал Рамакришна, – пошла к океану, чтобы измерить его глубину. Она хотела рассказать другим, как глубок океан, но, увы. Ей не удалось этого сделать. Как только она опустилась в океан, она сразу же начала таять и очень скоро растворилась в океане, стала с ним одним. Кто же мог принести другим куклам сведения о глубине океана? Положение Дживы, когда она входит в бесконечный океан абсолютного Брахмана подобно этому» [4, с. 34]. Закон поэтому рассматривается восточным человеком как нечто внешнее, привнесенное извне, но это отнюдь не означает чуждое.

Западная же культура всегда грезилась идеей тотального господства, в том числе и над природой. «Западный человек, – писал К. Г. Юнг, – не нуждается в большом господстве над природой, внешней или внутренней. Господство над обеими достигло у него чуть ли дьявольского совершенства. К сожалению, при этом отсутствует ясное понимание собственной неполноценности по отношению к природе. Он не ведает того, что против него самоубийственно восстает его собственная душа» [5, с. 42].

Такое различие в культурах, отношении к свободе и господству, обусловлено, на наш взгляд, отсутствием на Востоке рабовладения. Только познавший рабство может ценить свободу выше жизни и желать господствовать над другими людьми, существами, включая природу в целом. Восточный человек являлся собственностью своего господина вместе со всей своей деревней, находясь в единстве со всей семьей, родственниками, соседями и даже природной средой. В то время как западный человек, попадая в рабство, все это терял, поэтому его воля требовала закон, обеспечивающий правами и свободой гражданина. Доминирование внешней коллективистской воли восточного человека сменяется на Западе приоритетом индивидуалистическо-личностной воли. Однако это, на наш взгляд, не означает отсутствие личности у восточного человека, как это утверждают многие авторы. «Безличный человек, – пишет Д. Манро о древних китайцах, – всегда готов подчинить свои личные интересы или интересы малой группы (например, деревни, к которой он принадлежит) интересам большой социальной группы» [6, р. 40.] Подчинение личных интересов коллективным – не показатель безличности, это – лишь проявление особенностей культуры, воспитания, приоритизирующих общественные интересы. Советским людям это хорошо известно, также, как и то, сколько выдающихся личностей жило в то время.

Несколько другое взаимоотношение закона и воли наблюдается у древних греков. Воля Небес частично снисходит на Землю, приобретая дуальный характер Судьбы, которая в понимании греков, хоть и ниспослана свыше богами, в то же время в какой-то мере зависит и от активности человека. Классическим примером такого дуализма воли является личность Сократа, признававшегося в существовании личного демона или гения, который хранил его от неверных поступков. Важно подчеркнуть, что по утверждению самого Сократа, этот демон никогда не принуждал его к какому-либо действию, лишь удерживая от неправильных шагов. Это один

из примеров взаимодействия закона и воли. Именно с Сократа начался поворот внимания античной мысли с натурфилософской воли Космоса к признанию сосуществования ее с волей человека.

Его гениальный ученик Платон идет несколько дальше, вычлняя духовные основания материального мира и поведения человека – эйдосы Истины, Добра и Красоты. Как Солнце является причиной и условием существования и видения вещей, так и Добро, по Платону, – причина и цель всего сущего. Единство Истины, Добра и Красоты – эманация воли творца. Дуализм воли человека объясняется Платоном наличием в ней двух начал – разумной, божественной, бессмертной и неразумной, чувственной, индивидуально-личностной, смертной. Именно воле принадлежит работа по контролю за влиянием разумной части души на чувственно-эмоциональную, неразумную.

Следующим этапом развития понимания взаимоотношения закона и воли выступила философия Аристотеля, акцентирующая внимание на психофизиологических и социокультурных детерминантах воли. Понимая волю как деятельную сторону разума, средство превращения внутреннего во внешнее, Аристотель связывал ее как с внутренними факторами, например, потребностями, влечениями человека, так и с внешними – социокультурными явлениями, традициями, законами. Особенно ярко наблюдается взаимосвязь закона и воли в теории государства Аристотеля. В правильных формах правления – монархии, аристократии и политии субъект закона и воли расширяется от единоличного монарха, через власть лучших к выборной власти граждан. Таким образом, воля царя со временем трансформируется в волю граждан, соответственно, и закон становится выражением интересов всего общества.

Эпоха Средневековья практически преодолевает дуализм воли, сводя ее однозначно к воле Божьей. Представители и патристики, и схоластики, и мистики отождествляли закон и волю, считая одно проявлением другого. Свобода воли признавалась ими лишь как проявление божественного провидения,

а предназначение доброй воли виделось в подчинении божественным заповедям. Интересны в этой связи взгляды Мейстера Экхарта, рассматривающего волю человека как «коридор», через который душа может соединиться с его Божественной сущностью. Однако ей в этом необходима Божья помощь, поэтому самосовершенствование человеческой и мировой души – взаимный единый процесс. Уподобляясь Творцу, душа творит образ мира [7, с. 116].

Новое время, оправдывая свое название, переворачивает представление о единстве закона и воли как проявлении божественного провидения. Зарождающиеся капиталистические отношения настоятельно продвигают волю гражданского общества в качестве детерминанта закона. Френсис Бекон, Джон Локк, Томас Гоббс и другие развивают представление о государстве и законе как совместном проявлении воли граждан. Однако двойственность закона и воли все еще сохранялась и в Новое время. «Право во многом рассматривалось как традиционный порядок жизни, как нечто «естественное», но в то же время признавалась необходимость «сделанного» права как эманации воли суверена» [8, с. 26].

В XIX веке в западноевропейской правовой культуре начинает господствовать

либертарная парадигма, признающая право на свободу личности как высшую ценность. Либертарно-юридический тип правопонимания, разработанный академиком РАН В. С. Нерсесянцем, называвшим право «математикой свободы» [9, с. 31], включает три составляющие: признание формального равенства, то есть равенства всех людей перед законом, всеобщей свободы и справедливости. Заметим, что эти принципы не всегда предполагают друг друга. Общество может исходить из принципа справедливости, не признавая формального равенства и всеобщей свободы. Восточная культура демонстрирует множество примеров этому, что отнюдь не означает принципиального отсутствия права там. Гуманистическая парадигма, будучи более универсальной, интегрирует принципы свободы и справедливости, ведь при всем культурно-историческом различии в трактовке таких ценностей, как свобода и справедливость, человечность понимается одинаково всеми людьми независимо от возраста, пола и национальности. Даже животные, растения и экосистема в целом, как показывают исследования, своим отношением к доброму поведению людей подталкивают нас к человечности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калин В. К. Психология воли. Симферополь, 2011. 208 с.
2. Даллакян К. А. Воля как феномен энвайронментального отношения. Уфа : Таллер, 1998. 140 с.
3. С. Кьеркегор. Страх и трепет. М. : Республика, 2010. 490 с.
4. Провозвестие Рамакришны. М. : Амрита, 2019. 272 с.
5. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философии. М. : Медиум, 1994. 256 с.
6. Donald Manro. The shape of Chinese Values in the Eye of American Philosopher // The China Difference. New York : Harper and Row, 1979. 230 p.
7. Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М. : Политиздат, 1991. 192 с.
8. Правогенез: традиции, воля, закон. СПб : Алатейя, 2021. 650 с.
9. Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М. : Юрист, 1996. 157 с.

REFERENCES

1. Kalin V. K. Psychology of will. Simferopol, 2011. 208 p. (In Russ.)
2. Dallakyan K. A. Volya as a phenomenon of environmental relations. Ufa : Taller, 1998. 140 p. (In Russ.)
3. S. Kierkegaard. Fear and trembling. M. : Respublika, 2010. 490 p. (In Russ.)
4. Proclamation of Ramakrishna. M. : Amrita, 2019. 272 p. (In Russ.)

5. Jung K. G. On the psychology of Eastern religions and philosophy. М. : Medium, 1994. 256 p. (In Russ.)
6. Donald Manro The shape of Chinese Values in the Eye of American Philosopher // The China Difference. New York : Harper and Row, 1979. 230 p.
7. Meister Eckhart. Spiritual sermons and reasoning. М. : Politizdat, 1991. 192 p. (In Russ.)
8. Pravogenesis: traditions, will, law. St. Petersburg : Alateya, 2021. 650 p. (In Russ.)
9. Nersesyants V. S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. М. : Lawyer, 1996. 157 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Даллакян К. А., доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

Dallakian K. A., Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.